

У ворот города все оглянулись. Цзи Сюэмянь стоял в самом эпицентре бури, выпрямив спину даже прямее бамбукового шеста, а с бесстрастным выражением лица казался сильным и невозмутимым.

Зато Дуань Цичи молча приложил руку ко лбу, едва не до смерти испугав Линь Юаня.

Он знал истинную натуру Дуань Цичи лучше всех. Скрыв эмоции в глазах, Линь Юань понял: эта смертельная тишина выдавала, что тот свирепствует от гнева... Дело приняло скверный оборот!

Однако Линь Юань не заметил, чтобы Дуань Цичи сделал хоть какое-то движение.

Подняв взгляд снова, Линь Юань увидел, что вся ярость в глазах Дуань Цичи исчезла, сменившись необычайным спокойствием.

Линь Юань испугался еще сильнее.

Стражники тут же бросились схватить Цзи Сюэмяня, но тот решительно и ловко выхватил длинный хлыст. Вокруг него поднялась аура убийства, казавшаяся неприступной.

Мастер гу зачарованно уставился на него: — Какая же недостижимая высота... Мне теперь еще сильнее хочется узнать, каков ты подо мной.

Позади мастера гу жавшийся к его плечу юноша с обиженным выражением лица был похож на тонкую водяную змейку. Его глаза излучали весеннее томление, а пухлые уголки губ трепетно прижались к морщинистому лицу мастера гу. Цзи Сюэмянь слегка нахмурил брови, и какая-то струна в его сердце дрогнула.

Он ведь и сам когда-то чуть было не покорился чужой воле, с той лишь разницей, что владел боевыми искусствами. А этот юноша был до того жалок, что смотреть на него не было сил.

Цзи Сюэмянь пропустил мимо ушей грязные ругательства мастера гу и принялся гладить длинный хлыст своими тонкими пальцами — дюйм за дюймом, донельзя медленно: — Обыскать меня? Да кто ты такой.

Мастер гу потер нос, распаляясь еще сильнее: — Решил со мной в игры в неподчинение играть? Отлично, обожаю строптивых диких лошадей, особенно таких красавцев из Центральных равнин, как ты! Не разрешаешь себя обыскать — никто из вас не войдет в Город Тяньхуа.

— Твою мать! — Лань Шэнь вспылil еще быстрее и выхватил меч. — Какую чушь ты, твою мать, несешь?

Цзи Сюэмянь закрыл глаза и отрывисто предупредил: — Лань Шэнь, не трать на него слова.

Он поднял взгляд, и его улыбающиеся глаза феникса чуть сузились: — Не общешься — не пустишь в город? Хочешь обыскать — валяй, обыскивай сам.

Мастер гу глянул на этот хлыст и оробел: — Т... Ты сначала опусти хлыст, тогда подойду.

Цзи Сюэмянь исполнил его желание и засунул хлыст за пояс: — Бить тебя не буду, иди сюда.

Мастер гу оттолкнул юношу, прыгнул с паланкина и похотливо зашагал к Цзи Сюэмяню.

Цзи Сюэмянь выглядел совершенно непринужденным. Мастер гу сначала облапал его за талию, а убедившись, что тот и впрямь не сопротивляется, запустил обе руки ниже, метя прямо туда.

Цзи Сюэмянь продолжал стоять неподвижно, даже не шелохнувшись — открыто и честно, с полнейшим достоинством.

В конце концов Дуань Цичи тяжело вздохнул и вытащил меч Линь Юаня.

Цзи Сюэмянь посмотрел на то, как мгновением позже две отрубленные кисти рук упали прямо ему на туфли, а кровь брызнула на его одежды, и в его глазах мелькнула доля ожидаемой, лукавой улыбки.

Разве кто-то не понимал: Дуань Цичи пока не хотел портить отношения с Городом Тяньхуа и вовсе не сомневался, что Цзи Сюэмянь справится сам?

Только вот стоило ли прямо сейчас терять самообладание и рубить руки мастеру гу у городских ворот?

В скором времени по всему городу разнесется весть о том, что Сяо-ван отрубил псарские лапы подручному старейшины города, проявив злой умысел.

Он ставил на ту самую крупницу подлинных, пусть и неразличимых за ложью чувств Дуань Цичи.

Бросив меч и не заботясь о том, смотрит ли кто-нибудь, Дуань Цичи грубо схватил Цзи Сюэмяня и притянул к себе, защищая.

Цзи Сюэмянь позволил себя увлечь и с вызовом бросил: — Что же Сяо-ван перестал наблюдать со стороны?

Дуань Цичи уставился на те самые губы, натворившие бед, и проговорил: — Я же говорил: быть обманутым тобой — мое добровольное желание.

Мастер гу дерзко завопил: — Цзи Сюэмянь, ты ведь еще не знаешь, да? На тебя уже наложили червя-гу! Не совокупишься с мужчиной — умрешь от яда! Лучше взгляни на меня, я могу тебе помочь...

Всё внимание Лань Шэня было приковано к мастеру гу, и он без лишних слов снес тому подколенную чашечку: — Подлый и бесстыдный негодяй! Додумался же до такой мерзкой воровки!

Мастер гу бросился на Цзи Сюэмяня, вцепившись тому в ноги так крепко, что тот едва мог пошевелинуться.

Мастер гу завопил: — Я не скажу вам, кто напустил этого гу! Убейте меня, ха-ха-ха-ха!

Дуань Цичи грязно выругался: — Смерти ищешь. Он прижал ладонь к макушке мастера гу, и тот издал жалкий вопль. Его колени рухнули оземь, а от боли человека так и подмывало подскочить вверх.

Прижатый железной хваткой Дуань Цичи, он даже начал сочиться кровью из семи отверстий, а со лба градом катились потницы размером с соевые бобы. Не прошло и мгновения, как он потерял сознание от невыносимой боли.

Цзи Сюэмянь высвободился, отряхнул ладони, сдувая несуществующую пыль, и даже не поднял век: — Благодарю Сяо-вана за помощь, но сегодня я не в лучшем самочувствии и не хочу злиться.

Дуань Цичи пнул мастера гу носом ботинка: тот, судя по всему, испустил дух. Он отдал приказ Линь Юаню: — Повесь его тело на городской стене и прикрепи объявление: никому не снимать, пока труп не высохнет на ветру.

Линь Юань попытался предостеречь: — Ваше Высочество, дурная слава пойдет, мы ведь в конце концов...

Дуань Цичи окинул взглядом сновавших вокруг стражников, которые уже обнажили мечи, собираясь покончить с ними, а кое-кто даже побежал в город докладывать начальству.

Недовольно бросил Дуань Цичи: — В конце концов что? Раз посмел тронуть моего человека, значит, дни правителя Города Тяньхуа сочтены.

Цзи Сюэмянь холодно усмехнулся: — Кто это твой человек?

Дуань Цичи уклонился от ответа, приподнял подбородок и кивнул на юношу из Наньцзяна: — Хочешь спасти его?

Цзи Сюэмянь приподнял брови: — Заметил?

Дуань Цичи легко улыбнулся: — Я знаю, что ты добрее всех на свете.

И добавил вполголоса: — На ложе ты еще добрее. Судя по моим наблюдениям, фантазии этого мастера гу оказались вовсе не беспочвенными.

Цзи Сюэмянь потерял терпение: — Дуань Цичи, угомонись ты уже.

С улыбкой произнес Дуань Цичи: — Не гневайтесь, господин, стоит вам рассердиться, как у меня сердце начинает болеть.

Однако мысли Цзи Сюэмяня были заняты исключительно червями-гу.

Бросив взгляд на Дуань Цичи, он понял: тот думает о том же. Дуань Цичи спросил: — Тот яд... ты что-нибудь чувствуешь?

Цзи Сюэмянь закрыл глаза, не желая отвечать.

Стражники больше не стали ждать и бросились толпой, но, вполне предсказуемо, были подчистую перебиты Лань Шэнем и Линь Юанем.

Все четверо перешагнули через горы тел и побежали вглубь Города Тяньхуа. Перед самым бегством тот самый спасенный Цзи Сюэмянем юноша шустро сорвался с места вслед за ними, поправил сползшее на плечо платье, вцепился в рукав Цзи Сюэмяня и жалостливым голосом попросил: — Красивый братец, умоляю тебя, возьми меня с собой...

Цзи Сюэмянь изначально и не собирался бросать его здесь на произвол судьбы, а потому без лишних слов притянул паренька к себе и побежал вместе с остальными.

Преследовавших их стражников становилось всё больше, но маленький юноша преградил дорогу всем четверчам: — Сюд... Сюда, в мой дом! Дома только моя старшая сестра, там очень безопасно!

Приведя их к убогой соломенной хижине, парень оттолкнул створку, вбежал внутрь, наотмашь захлопнул дверь и принял глазом к щели, прислушиваясь.

Когда топот шагов стих и всё затихло, юноша схватился за сердце и осел на землю, но тут же

вскочил, опустился перед Цзи Сюэмянем на колени и выпалил: — Благодетель, вы мой спаситель! Отныне и впредь Лин Инь будет следовать за вами повсюду!

Спокойным тоном, словно пытаясь утешить, ответил Цзи Сюэмянь: — Я вовсе не это имел в виду, встань.

Лин Инь проявил редкое упрямство: — Нет! Сестра говорила: капля добра вернется источником!

Дуань Цичи небрежно прислонился плечом к дверному косяку: — А ты знаешь, кто он?

На что Лин Инь заявил: — Даже если он адский демон, я все равно пойду за ним!

Не сумев переупрямить парня и подумав немного, Цзи Сюэмянь решил, что взять его с собой не так уж плохо.

У него при себе не было слуг, а этот юноша из Наньцзяна выглядел опрятным и сообразительным — забрать его в Столицу в Поместье Цзи прислуживать вполне допускалось.

Увидев, что Цзи Сюэмянь молчаливо согласился, Лин Инь радостно зазвал всех четверых в дом: — Моей сестры нет дома, она ушла гадать на улице. Я умеете готовить, вы голодны?

Лань Шэнь погладил живот: — Голоден. Лин Инь, давай стряпать вместе.

Линь Юань обнял Лань Шэня за плечи, они уже успели сойтись: — Возьмите и меня.

В соломенной хижине остались только Дуань Цичи и Цзи Сюэмянь. Цзи Сюэмянь как раз собирался протереть длинный хлыст, как вдруг за домом послышался женский стон.

Дуань Цичи на миг замер: — Женщина, которая могла оказаться здесь... неужели сестра Лин Иня?

Лицо Цзи Сюэмяня застыло ледяной коркой, сделавшись черным, как тушь. Он вылетел из хижины и взлетел на забор, а Дуань Цичи последовал за ним по пятам. Оба походили на пару наемных убийц, а вовсе не на министра и сановника.

Увидев того, кто нависал над женщиной, Цзи Сюэмянь наградил негодяя таким свирепым взглядом, будто лезвием полоснул, и холодно процедил: — Средь бела дня похищать простолюдинку — какая дерзость!

Этот безумец обернулся, и на правой половине его лица мерзко зашевелилась татуировка в

виде паука: — Кого я вижу, не господин ли Цзи? Поистине живуч, как нечистая сила.

Взгляд его устремился на Дуань Цичи: — И верно, братец Чжао не соврал, вы и вправду снюхались!

Подхватив валявшийся на заборе кирпич, Дуань Цичи расплылся в фривольной улыбке: — По правде говоря, мы уже переспали. Не просто снюхались — будут у нас и две ноги, и три, и бесчисленное множество ног, вот только ты помираешь так рано, что уже не увидишь.

Мысленно Цзи Сюэмянь выругал его за неизбывную замашку вонючего пошляка: ни единого слова лжи.

Но Паук лишь расхохотался: — Дуань Цичи, девятый господин Дуань, я-то уважительно зову тебя девятым господином, а на деле ты — пустое место! Не думай, что я не знаю, откуда ты взялся! Ты куда занятнее Цзи Сюэмяня! Всего лишь никому не нужный щенок, которого выбросили на помойку догнивать и вонять...

Вспыхнул холодный свет, и глаза Паука так и остались выкаченными, рот даже не успел закрыться.

Голова покатилась в сторону, а Цзи Сюэмянь, возвращая хлыст на место, холодно бросил: — До чего же горластый, зануда.

Дуань Цичи же замер на месте, а в его глазах забурлили какие-то неведомые, скрытые волны.

Будучи на полголовы выше Цзи Сюэмяня, он и среди толпы выделялся своей статной фигурой, но почему-то Цзи Сюэмяню показалось, будто он видит перед собой того самого Дуань Цичи в юношеские годы.

Красивый, любящий улыбаться и шутить юноша, который прятал все свои переживания глубоко в тени мрачных дум.

С малых лет он походил на властолюбца, умеющего искусно скрывать эмоции. В отличие от Цзи Сюэмяня, себя он прятал куда глубже.

Даже Цзи Сюэмяню было известно лишь то, что в семье тот носил девятый порядковый номер и приходился девятым братом матери маленького императора, происходившей из далекого и сурового Мобэя. Обо всем остальном оставалось только догадываться.

Цзи Сюэмянь привык проявлять жесткость, и заставить его произнести ласковое слово, чтобы утешить Дуань Цичи, казалось почти невыполнимой задачей.

Подумав немного, Цзи Сюэмянь медленно протянул руку и взял Дуань Цичи за ладонь.

Дуань Цичи растерянно позволил себя зажать, на мгновение превратившись в растерянного ребенка.

Лицо слегка потеплело, и Цзи Сюэмянь неестественно кашлянул: — Ты выручил меня однажды... Как ты сам сказал, я... посмотрю сам.

Дуань Цичи заторможенно посмотрел на Цзи Сюэмяня. В его глазах плескалась жуткая красноватость, источая зловещую свирепость и жажду убийства.

Цзи Сюэмянь вовсе не испугался и тихо произнес: — Не бойся, я не стану использовать это происшествие как средство угроз. Я, Цзи Сылин, не способен на столь подлые поступки.

Дуань Цичи, разумеется, верил ему.

На мгновение память унесла его в детство: Цзи Сюэмянь точно так же закрывал его своей спиной, хотя в ту пору понятия не имел, кого именно защищает.

В те времена мобэйские племена пришли в упадок, и мать маленького императора вместе со своим ровесником-братом Дуань Цичи прибыла ко двору Династии Нин. Едва главный евнух привел Дуань Цичи в Гоцзыцзянь, как на него набросились в мешке и избили.

Дуань Цичи ненавидел вспоминать прошлое, но именно Цзи Сюэмянь первым бросил книги и кинулся на помощь, в два счета раскидав сборище мажоров.

Тогда Дуань Цичи смотрел сквозь прореху в мешке и видел хрупкую спину Цзи Сюэмяня, заслонявшую его от всех, а черные распущенные волосы напоминали ему бесстрашных принцесс Мобэя, скачущих во главе конницы с хлыстами в руках.

И пусть наставник тогда изрядно отходил Цзи Сюэмяня линейкой по ладоням, Дуань Цичи молча запечатлел в памяти этого молчаливого, но донельзя вспыльчивого красавца-юношу.

Стоявший перед ним прекрасный юноша всё так же хорош собой, только теперь смущенно держал его за руку, неумело пытаясь утешить.

Его губы были тонкими, мягкими и алыми, а взгляд — вовсе не нежным, но от этого хотелось лишь сильнее прижать его к груди.

Дуань Цичи глубоко вздохнул, подавляя бушующий в душе жар и волнение.

Женщина неторопливо поднялась на ноги, увидела державшихся за руки мужчин и протяжно простонала: — Ой-ёй, благородные господа, поддержите меня скорее, я же в положении, самой мне не подняться!

Цзи Сюэмянь тут же отдернул руку и бросился помогать молодой беременной женщине, но та лишь улыбнулась ему: — Этот... братец, судя по твоему лицу, тебя ждет большая радость, не со дня на день ли принесут добрые вести? Не хочешь погадать?

<http://bllate.org/book/21919/2277355>